

УДК 785.01

ПОЭТИКА ДОМА: ОБРАЗЫ ВНУТРЕННЕГО ПРОСТРАНСТВА ЧЕЛОВЕКА

Быковская Т.В.

ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная консерватория (академия) им. Л.В. Собинова», Саратов, Россия (410012, г. Саратов, пр. Кирова, 1), доцент кафедры гуманитарных дисциплин, e-mail: bykowsckaia.t@yandex.ru

Осуществлен анализ образа дома, истоком которого являются архетипические переживания человека, связанные с поиском собственного места в мире, места-благобытия, и получившего многозначительные художественные воплощения, прежде всего в русской литературе. Архетипический образ дома рассматривается как психическое событие, художественный образ дома анализируется как духовное явление, связанное с поиском выразительного языка. Образ дома рассматривается как духовная ценность, созданная воображением и воплотившая художественные рефлексии о доме как константе человеческого бытия в ее отечественной специфике. Анализируя художественное пространство дома, автор статьи следует научным традициям исследований по семиотике пространства, разработанных Ю.М. Лотманом, в частности оппозиции точечного (дом) и линейного (дорога) их построения.

Ключевые слова: воображение, образ дома, топофилия, образ дома архетипический и художественный, душевное выражение и художественное воплощение, художественное пространство как духовная ценность, национальная идентичность.

POETICS OF HOME: ICONS OF INTERNAL SPACE OF THE PERSON

Bykovskaya T.V.

FGBOU VPO Saratovskaya gosudarstvennaya konservatoriya (akademiya) im. L.V. Sobinova Saratov, Russia (410012, Saratov, pr. Kirova, 1), associate professor at the department of humanitarian disciplines of Saratov State Conservatoire, e-mail: bykowsckaia.t@yandex.ru

The article is devoted to the icon of the home; its source is archetypal emotional experience of the person concerned with search of own place in the world, a place of blessing-being. It finds multisubstantial artistic embodiment, first of all, in the Russian literature. The archetypal icon of the home is considered as a mental event, the artistic image of the home is analyzed as the spiritual phenomenon connected with search of expressive language. The image of the home is considered as the spiritual value which was created by imagination and has embodied art reflections about the home as a constant of human life in its native specificity. The author of the article, analyzing art space of home, follows scientific traditions of researches on semiotics of the space developed by Yu.M.Lotman, in particular to opposition of point (home) and of line (road) in their structure.

Keywords: imagination, icon of the home, topophilia, artistic and archetypal icon of the home, mental expression and artistic realization, art space as spiritual value, national identity.

Отношение к воображению, как кодной из самых продуктивных способностей нашей психики, которая по значимости сопоставима с мыслью и опытом, традиционно связывают с художественным творчеством человека. Человек никогда не ограничивается восприятием внешнего мира, а строит свою собственную внутреннюю форму – образ. В психологии понятие «образ» толкуется неоднозначно: его можно «видеть», хранить в памяти, воспроизвести, вообразить, т.е. он обнаруживает разные психические глубины и, следовательно, бывает различным. Но образ всегда является нашим собственным внутренним пространством, созданным игрой воображения, т.е. он всегда в той или иной степени – поэтический. Поэтизировать объективную реальность – значит наделять ее

большим пространством, чем объективно ей присуще. Человек всегда оказывается связан с каким-то местом, которое становится предметом мифологизации и художественного воплощения, но дом в этом ряду совершенно особенный. Г. Башляр, исследуя поэтику пространства, писал, что есть образы, которые концентрируют всю полноту жизненных сил и являются феноменами души как ее непосредственное порождение: «Мы имеем в виду изучение феномена поэтического образа, схваченного в его актуальности, когда он возникает в сознании как непосредственное порождение сердца, души, всего существа человека» [1; 8]. Феноменальность этого образа в том, что, будучи единственным, иногда весьма причудливым, он является настоящим психическим событием, обнаруживая порой глубинные, архетипические уровни психики: таков образ дома. И есть образы, отличающиеся интенциональной напряженностью, они связаны с поиском форм, которые призваны быть эквивалентом внутреннего содержания. Таковы художественные образы, они являются феноменами духа, осознанием неосознанного содержания психики, так как связаны с поисками специфического языка воплощения. Этот «родной дом» выявляет ландшафт внутренней жизни человека. Образ дома предстает в качестве инструмента анализа человеческой души. «Рассматриваемый в различных теоретических планах, образ дома, кажется, представляет топографию нашей глубинной сущности», – пишет Г. Башляр, предлагая называть этот метод топоанализом с печатью топофилии [1; 23]. То есть образ как непосредственное порождение души может раскрыть первоисток творчества как феномена духа, и обращение к образу дома, который концентрирует всю полноту душевных и духовных сил человека, представляется весьма плодотворным. Образы дома как феномены души и духа едины тем, что благодаря воображению создают внутренние пространства человека: поэтика дома связана с проблемой внутреннего бытия человека.

Цель данной статьи – выявить на материале русской литературы феноменальность поэтического образа дома как одной из основополагающих ценностей, созданных воображением человека. В рамках данной статьи автор ограничится некоторыми ссылками на образы дома в творчестве Н. Гоголя и М. Булгакова, который является продолжателем традиций Гоголя не только в убеждении, что дом – стержень бытия, но и в конструировании художественных моделей пространства. Речь идет об образе дома как непосредственном порождении души, как о своеобразной «вспышке бытия» в воображении, получившем художественное воплощение. Следует отметить, что дом может выражаться различными понятиями, в данной статье речь идет о доме как одной из самых устойчивых констант

сознания и бытия.

Дом как позитивная ценность не вызывает никакого сомнения - это психологическая и социальная первореальность. Дом, собственно, и есть «архе» – первозданность, первообиталище, первомир человека, призванный противостоять внешнему миру и защищать от его враждебных сил. Исходная феноменальность дома в том, что это «бытие во внутреннем»: человек укореняется в своем единственном «уголке мира». Эта внутренняя потребность человека не исчерпывается в социальной первореальности. Человек обживает пространство дома в мыслях, фантазиях, грезах. Уже в мифологии дом – символ порядка, защищающего от внешней опасности и, следовательно, несущего благобытие.

Дом – одна из самых мощных сил, интегрирующих чувства, мысли, воспоминания, мечты, чаяния человека, и связующим принципом этой интеграции является воображение. Для нас это пространство является исключительно притягательным, оно переживается нами со всей пристрастностью, на которое способно наше воображение. Воспоминания о внешнем мире никогда не имеют той эмоциональной тональности, что воспоминания о доме: они нас волнуют больше, чем можно предположить. Образ дома является одним из главных «феноменов психики». Он обладает необыкновенной психологической емкостью: при формировании образа дома память и воображение неразделимы.

Дом является местом, где связываются разные пласты нашей жизни, разные способы нашего восприятия и познания себя и мира. Осв. Шпенглер определил дом как самое чистое выражение породы (народа), какие только бывают; это выражение выделяет человеческие породы «собственно всемирной истории, т.е. потоки существования намного более душевного значения» [8, с. 122-123]. Заявив, что «душа людей и душа их дома – одно и то же», что все обычаи и формы существования, весь распорядок жизни – все находит в доме свой образ и подобие, Шпенглер отмечает: «История искусства никогда не могла освоить этой области», так как «здесь ясно и отчетливо пролегает граница между двумя мирами: *миром самовыражения души* и *миром выразительного языка*». [9, с. 23. Курсив мой – Т.Б.]. Шпенглер имеет в виду то, что дом вырастает из внутренней необходимости и не является результатом творчества архитектора. Художественный образ дома «аналогичен» архитектурному. И если непосредственный образ дома является психическим событием, то образ дома как феномен духа – это художественное событие.

Воображение «играет» и создает «новую реальность». Эта игра воображения двойственная: с одной стороны, дом обитает в нас, наша душа хранит воспоминания, с другой стороны, мы живем в доме – наши мечты, фантазии, грезы «возводят стены родного дома» в нашей душе.

Этот «внутренний дом» – место, где мы живем воображением, живем в мечтах, место, где мы мечтаем жить: наше прошлое располагается в каком-то другом мире, в конце концов, мы уже сомневаемся, действительно ли мы жили там, где жили, т.е. пространство и время пропитаны ирреальностью. Возникающий поэтический образ не эхо прошлого, а, скорее, наоборот: настоящее придает звучание прошлому. То есть поэтический образ обладает собственной динамикой и собственным бытием. Воображение, а не только мысль и опыт, усиливает охранную ценность реальности, которая призвана быть зачатком блаженства и благобытия. В данном случае надлежит говорить не только о ценности воображения, но и о самоценности его, так как оно непосредственно наслаждается собственным бытием. Образ дома бывает последней ценностью, которая остается, когда нет самого дома.

Образ дома как воплощение мечты о блаженном времени и блаженном пространстве чаще всего ассоциируется с детством. Детство всегда больше, чем реальность, оно остается живым и поэтически продуктивным в плане фантазий, а не фактов. З. Фрейд писал, что «неясные воспоминания детства и на них построенные фантазии всегда заключают самое существенное в духовном развитии человека» [7, с. 276]. Образ дома – это счастливое пространство, активность воображения почти не сдерживается предметной реальностью дома и смягчает внечеловеческое время, каким оно нередко бывает в реальности. Это пространство превращается в наше духовное пристанище, своеобразный духовный музей, где мы храним образы, всецело принадлежащие нам: образы дорогой и сокровенной жизни. Следовательно, это пространство ценно как место нашего уединения и нашего одиночества. Что воплощают эти образы? Чем они для нас являются и что значат? Они являются опорой или иллюзией устойчивости? В любом случае они идентифицируют человека. Мы страдаем от одиночества? Тоскуем об исчезнувшем, неудавшемся, тщетном? Это одиночество доставляет нам наслаждение? Мы предпочитаем жить в несуществующем доме, компенсируя ущербность реального бытия и быта? Нам представляется прошлое всегда лучшим, и мы тяготеем к нему в поисках блаженного бытия? Единство фантазий и воспоминаний создает образы, которые идентифицирует внутренний мир человека в его предельных ценностях. Считается, что первый дом – это мечта, а последний – это размышления. Но и эти размышления неотделимы от воображения, которое «связывает» прошлое, настоящее и будущее. Образы дома внушают нам чувство устойчивости, нам кажется, что «поселившись» в них, мы заживем иной жизнью, *подлинно нашей до глубины души*. Но это уже другой поэтический образ – художественный, связанный с творческим воплощением. Этот образ создает новую реальность, выражает новую сущность, он

возвращает нас к «человеческой речи».

Русскими авторами много написано о роли географического фактора в становлении русской культуры, в области историсофской мысли, начиная с П. Чаадаева, а в литературе с Н. Гоголя, традиции которого отражены, в той или иной степени, во всей русской литературе. Именно русские писатели почувствовали и выразили особую значимость для русской культуры пространства дома. В их творчестве дом фактически впервые предстал как одна из ключевых проблем русской жизни. Художественный образ дома в русском искусстве, прежде всего в русской литературе, если угодно, художественные исследования дома, превосходят все философские и научные изыскания. Дом в России предстал множеством художественных миров: именно русские писатели поняли и осмыслили дом как константу человеческого сознания и бытия, осознали, что с его благоустройства начинается благоустройство жизни человека и общества.

Образ дома настолько многогранно и многосторонне представлен в русской литературе, что это поистине неисчерпаемая тема. Сознательно ограничимся ссылками на творчество лишь некоторых писателей, в их числе: А. Пушкин, Н. Гоголь, С. Аксаков, Л. Толстой, И. Гончаров, Ф. Достоевский, А. Чехов, А. Белый, А. Толстой, И. Бунин, А. Платонов, М. Булгаков, В. Набоков. Художественное осмысление дома многообразно: от благоговейного отношения к дому в творчестве, например, Н. Гоголя, Л. Толстого до сакрализации его в творчестве Ф. Достоевского или А. Чехова... Чувство бездомности и сиротства - доминанта в творчестве А. Грибоедова, А. Герцена, В. Розанова, А. Платонова и других русских писателей. Но еще раз отметим особое место этого образа у Н. Гоголя. Трудно не согласиться с Ю. Лотманом, писавшим: «И, пожалуй, именно Гоголь раскрыл для русской литературы всю художественную мощь пространственных моделей, многое определив в творческом языке русской литературы от Толстого, Достоевского и Салтыкова-Щедрина до Михаила Булгакова и Юрия Тынянова» [5, с. 293].

В «Миргороде» Гоголя трудно переоценить значение пространственных построений. Здесь Гоголь особое значение придал, при построении художественного пространства города – дома, эпиграфам, наполнив их географическим содержанием с указанием достопримечательностей, всегда интересных путешественникам. Эпиграфов два: один взят из географии Зябловского: «Миргород нарочито невеликий при реке Хороле город. Имеет 1 канатную фабрику, 1 кирпичный завод, 4 водяных и 45 ветряных мельниц» - и второй: «Хотя в Миргороде пекутся бублики из черного теста, но довольно вкусны» [3, с. 5], позаимствованный «Из записок одного путешественника». Лотман увидел в этом

ироническое сопоставление с текстом Карамзина [5, с. 267]. Сигизмунд Кржижановский, знаток истории литературы, этой литературной категории придавал исключительно важное художественно-коммуникативное значение: «Эпиграф видится мне в образе малого лоцманского суденышка, вводящего большой корабль в гавань» [4, с. 414]. С его точки зрения, эпиграф «есть знак связи новой культуры со старой, символ международного общения разноязыких литератур, а также преемственности сменяющихся друг друга литературных поколений» [4, с. 390].

Уместно, используя выражение «знак связи», обратиться к оценке значения пространственных построений в творчестве Гоголя, высказанной Владимиром Набоковым: «В литературном стиле есть своя кривизна, как и в пространстве, но немногим из русских читателей хочется нырнуть стремглав в гоголевский магический хаос. Это мир Гоголя, и как таковой, он отличается от мира Толстого, Пушкина, Чехова или моего собственного. Но по прочтении Гоголя глаза могут *гоголизироваться*, и человеку порой удастся видеть обрывки его мира в самых неожиданных местах» [6, с. 127. Курсив мой – Т.Б]. И далее он пишет, что «если вы хотите узнать что-нибудь о России, если вас интересуют "идеи", "факты" и "тенденции" - не трогайте Гоголя. Его произведения, как и всякая великая литература, - это феномен языка, а не идей» [6, с. 131].

В романе «Белая гвардия» две доминанты дома: печь и кремовые шторы. Печь, являясь главным персонажем в организации дома, репрезентирует тот хтонический принцип жизнеощущения, который определяет идеологию русского дома. Печь хранит дом: дает тепло, на ее изразцах следы блаженства и уюта былой жизни. Кремовые шторы – это граница пространства внутреннего и внешнего, последнее отличается враждебностью и угрозой. Психологическая емкость этого художественного мира у Булгакова особенно примечательна. Парадоксален дом в романе «Мастер и Маргарита». Садовая, 50 бис - не кров и защита, а пространство, фокусирующее бездомную среду. Под одной крышей живут разные и чужие люди, у одного жена сбежала, другой сам «пристроил» ее на сторону, жильцы исчезают бесследно. Дом всех изжил, в конце концов сам сатана вселяется в этот дом, но в него по-прежнему, как слепые, рвутся другие. Он не для жизни, – и все равно все рвутся сюда, как в пучину гибели. Об этом не думают: Босой, когда покидает квартиру, где поселился Воланд со своей свитой, вдруг задается вопросом о том, как они там оказались, ведь дверь закрыта? А потом махнул на все рукой: не хочется думать, даже если чужие в твоём доме! Необычен образ дома литераторов, который громит Маргарита. Он – казенный и стоит отдельно от остальных. Знаковой деталью представляется то, что домработницы –

дома, а хозяева – «отрабатывают». Этому дому противопоставлен дом для умалишенных, здесь гораздо больше заботы, уюта и комфорта. Философская и психологическая емкость художественного образа дома будет концептуально выражена в знаменитой фразе, сказанной устами Воланда, что москвичи, т.е. русские «обыкновенные люди... в общем, напоминают прежних... квартирный вопрос только испортил их...» [2, с. 125].

Поэтика дома отразила мечту русского человека о блаженном времени и блаженном пространстве, столь значимую для него, но в реальности не осуществимую. Русский человек компенсировал фантазией ущербность реального бытия. Поэтика дома – это модель желаемого, созданного игрой воображения, с которой связывались самые различные душевные и духовные поиски. Поэтика дома связана с поиском национальной и духовной идентичности. Это поиски душевного комфорта, духовной оседлости – их психологические и художественные грани поражают многообразием. Единство их в том, что это поиски счастливого человеческого пространства, в котором воображение отрывает нас от реальности, открывает возможность интерпретировать прошлое и обещает будущее. Творческое воображение настолько поднимает человека над жизнью, что жизнь уже не может его объяснить.

Список литературы

1. Башляр Г. Избранное. Поэтика пространства / пер. с фр. – М. : РОССПЭН, 2004. – 376 с.
2. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. – М. : Художественная литература, 1988. – 384 с.
3. Гоголь Н.В. Миргород // Гоголь Н.В. Соч. : в 7 т. – М. : Художественная литература, 1966. – Т. 2. – 378 с.
4. Кржижановский С.Д. Поэтика заглавий // Кржижановский С.Д. Соч. : в 5 т. – СПб. : Симпозиум, 2006. – Т. 4. – 848 с.
5. Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. – М. : Просвещение, 1988. – 352 с.
6. Набоков В.В. Лекции по русской литературе. – М. : Независимая газета, 2001. – 440 с.
7. Фрейд З. Леонардо да Винчи // З. Фрейд. Я и Оно : сочинения / пер. с нем. – М. : Эксмо; Харьков : Фолио, 2007. – 864 с.
8. Шпенглер О. Закат Европы / пер. с нем. – М. : Мысль, 1998. - Т. 2. – 607 с.
9. Шпенглер О. Закат Европы // Самосознание европейской культуры XX века: мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. – М. : Политиздат, 1991. – 366 с.

Рецензенты:

Саввина Людмила Владимировна, доктор искусствоведения, профессор, проректор по научной работе Астраханской государственной консерватории, г. Астрахань.

Креленко Наталья Станиславовна, доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории ИИМО Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, г. Саратов.